

Игорь Меламед



Воздаяние

Игорь Меламед

Воздаяние

Москва

«Воймега»

2010

УДК 821.161.1-1 Меламед
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М47

И. Меламед

М47 Воздаяние. — М.: Воймега, 2010. — 120 с.

Книга Игоря Меламеда включает в себя сборник новых стихотворений «Воздаяние», а также избранные стихи из предыдущих книг «Бессонница» (1994) и «В чёрном раю» (1998), большинство которых публикуется в новых редакциях.

Издано при поддержке фонда «Милосердие»

ISBN 5-7640-0098-X

© И. Меламед, текст, 2010
© С. Труханов, оформление, 2010
© Мария Штох, фото, 2010
© «Воймега», 2010.

Воздаяние

(1998–2008)

* * *

В бездушной вечности, увы,
мы все уже смежили веки.
Вы, современники, и вы,
рождённые в грядущем веке,
для вечности давно мертвы,
как ионические греки.

Душа, разбился твой сосуд,
забудь о брэнном человеке,
и пусть, как встарь, тебя несут
мифологические реки
в подземный плен, на Страшный суд,
в огонь, не гаснущий вовеки,

в сиянье, где тебя спасут.

1998

В больнице

Если б разбился этот сосуд скудельный,
трещину давший, — где бы, душа, была ты?
Как в скорлупе, здесь каждый живёт отдельной
болью своею в белом аду палаты.

Нет ничего на свете печальней тела.
Нет ничего божественней и блаженней
боли, дошедшей до своего предела,
этих её снотворных изнеможений.

Чёрным деревьям в окнах тебя не жалко,
где отчуждённо, точно в иной отчизне,
падает снег. И глухо гремит каталка.
И коридор больничный длиннее жизни.

1998

* * *

Только спать, забывши обо всём.
Задушить последние желанья.
Сладко ли тому, кто в мире сём
родился в эпоху умиранья?

Ни о чём не думать — только спать,
ничего не видя и не помня.
Погружаясь в ночь, воображать
бурые кладбищенские комья.

И в каком-то самом давнем сне
изумиться: Боже, неужели
летним днём на маленьком коне
это я кружусь на карусели?..

1998

Памяти мамы

1.

*Рахиль плачет о детях своих
и не хочет утешиться...*

В детство моё, покинув сырую яму,
в снежной ночи ко мне ты придёшь обратно.
Я по слогам прочту, как ты мыла раму, —
в прописях тех чернил не просохли пятна.

В тёмном проёме так силуэт твой светел,
что и не надо мне никакого утра.
Раму из рук твоих вырывает ветер,
на подоконник мёрзлая сыплет пудра.

Вот за оледенелою крестовиной
ты по пустому воздуху водишь тряпкой...
— Игорчик, ты недавно болел ангиной,
в шарф запахнись и уши укрой под шапкой.

Голос твой тонет в мутной метельной каше
и остаётся в той недоступной жизни.
Только и слышу я твой предсмертный кашель
в обетованной, чуждой тебе отчизне,

да на далёкой свежей твоей могиле
жаркого ветра тяжкое дуновенье,
да заунывный, горестный вой Рахили,
плачущей, не желающей утешенья.

2.

Ещё никто не должен умирать.
И бабочка, вplывая в палисадник,
на тёмную твою садится прядь —
божественный и мимолетный всадник.

И пахнет мятой мокрая скамья.
И снег летит над Средиземным морем.
И проступает из небытия
её пыльца, захватанная горем.

И жизнь твоя стремится напролом
вот в эту ночь с бездонною зимою,
шуршащая папирусным крылом,
оранжевая, с траурной каймою.

1999

* * *

Всё навсегда похоронено
и не воскреснет вовек.
Только небесная родина
есть у тебя, человек.

И превратилось в проклятие,
в камень незримых могил
всё, что, сжимая в объятии,
ты в этой жизни любил.

1999

* * *

Ласточки твои пропали,
Афанасий Фет.
Бабочек, что здесь летали,
и в помине нет.

Похоронена в сугробе
песня ямщика.
И истлела в тёмном гробе
нежная щека.

С корнем выдернуты розы,
вытопан лужок.
Остаются лишь морозы.
Холодно, дружок.

1999

* * *

И лёд на полыхающем виске,
и пламень за картонною стеною...
И если всё висит на волоске —
не мучь меня, но сжался надо мною.

И камень, что летит наискосок,
и пламень, обрывающий молитву..
И Тот, Кто держит тонкий волосок,
другой рукой уже заносит бритву.

1999

Памяти Евгения Блажеевского

*Коли водка сладка, коли сделалось горьким варенье...
Е. Блажеевский*

Коль водка сладка, как писал ты, родной,
с тобой бы я выпил ещё по одной.

Зачем же меня ты покинул?

Как будто в промозглый колодец без дна,
откуда звезда ни одна не видна,
ты чёрный стакан опрокинул.

Тебе бы к лицу был античный фиал.
Влюблённый в земное, ты не представлял
посмертного существования.

Но если, родной мой, всё это не ложь,
дай знать мне, какую там чашу ты пьёшь,
сладка ль тебе гроздь воздаянья?

И если всё это неправда — в ночи
явившись ко мне, улыбнись и молчи,
надежде моей не переча.
Позволь мне молиться, чтоб вихорь и град
не выбили маленький твой вертоград,
где ждёт нас блаженная встреча.

1999

* * *

А. Р.

Храни, моя радость, до худших времён
ноябрьских рассветов свинцовую стынь,
сырые шелка побеждённых знамён,
шершавую стужу больничных простынь,

прощальных объятий невольный озноб
и дрожь поездов, уходящих навек...
Возьми же, покуда не хлынул потоп,
и эту мольбу мою в чёрный ковчег —

сигнал к отправленью, отплытия знак,
глухую прелюдию небытия,
легчайший, едва ощутимый сквозняк
последнего холода, радость моя.

1999

* * *

Всё то же безумье в больничной палате,
всё та же кошмарная ночь.
Распятый за нас при Понтийском Пилате
мне только и может помочь.

Душа моя смертною скорбью объята
и пламенем Судного дня.
Но сладко мне знать, что во время Пилата
Ты также распят за меня.

И сладко мне плакать в ночи покаянной
о том, что Ты всё искупил
и уксус из чаши моей окаянной
устаи пречистыми пил.

2000

* * *

И печка железная в классе продлённого дня.
И пчёлка на клумбе мне в палец впивается, жаля.
И, кажется, нет человека несчастней меня —
за парту к другому отсажена девочка Валя.
Но все ещё живы. И шумная наша родня
ещё не прощается с нами на чёрном вокзале.

Кто в землю уедет чужую, кого-то родной
засыпят, сверкая на солнце проворной лопатой.
Пока же соседи справляют в саду выходной
и пробует водку весёлый Валера горбатый.
Через четверть столетия он выпьет ещё по одной
с дружками в беседке и свежею станет утратой.

Бессмысленно всё. И ничто не вернётся назад —
ни старый еврей, ни соседские пьяные песни.
И новым хозяином вырублен маленький сад.
Зачем же душа моя плачет и молит: воскресни?
Что делать мне с жизнью моей, превращённой в ад?
Покончить с собою? Ложиться в больницу на Пресне?

О Господи Боже, зачем эта гибель и мрак?
И горькая водка, и сладкая музыка эта?
Рукою ужаленной шарит несчастный дурак,
меся пустоту в беспорядочных поисках света.
Зачем он родился? Что в жизни он сделал не так?
Кто даст мне ответ? И к чему домогаться ответа?

2000

* * *

Над увядшим вертоградом
вее холодом, распадом,
яростною тьмой.
Отчего ж, не тронут адом,
чей-то слабый голос рядом
шепчет: «Боже мой!»

Бесы кружат с новой силой,
дразнят чёрною могилой.
Как тебя спасти?
Отчего же голос милый
шепчет: «Господи, помилуй!
Господи, прости!»

2000

* * *

В ненадёжных и временных гнёздах
и тела обитают, и души.
Но Спаситель приходит, как воздух
посреди мирового удушья.

Посреди мирового мороза,
в безысходных глубинах страданья,
раскрывается сердце, как роза,
от Его дорогого дыханья.

Всё оплачено было сторицей
и искуплено страшною кровью,
чтобы ты бесприютною птицей
возвратился под вечную кровлю.

2000

* * *

Полутёмная больница.
Медсестёр пустые лица.
Санитаров пьяный бред.
Инвалидам сладко спится:
никому из них не снится
переломанный хребет.

Кружит девушка в коляске.
Ей, мужской не знавшей ласки,
хоть собой и хороша,
всё бы, глупой, строить глазки,
выпавшей, как в страшной сказке,
со второго этажа.

Слёз непролитые реки
здесь взорвать должны бы веки
бедных юношей. Но вот
странный, жуткий смех калеки,
затвердившего навеки
непристойный анекдот.

Нет надежды ниоткуда.
Тем в колясках и не худо,
этот сдался без борьбы,
этот верует покуда,
что его поднимет чудо
прежде ангельской трубы.

Боже праведный и славный,
если только разум здрав мой,
просьбу выполни мою:
всем разбитым смертной травмой
дай удел посмертный равный —
посели в Своём раю.

Исцеляющим составом
проведи по их суставам.
Не подвергни их суду.
Всем им, правым и неправым,
босиком по вечным травам
дай гулять в Твоём саду.

2000

* * *

В больничной ночи вспоминай своё детство и плачь:
и жар, и ангину, и окна с заснеженной далью.
Придёт Евароновна к нам, участковый мой врач,
и папа ей двери откроет с бессонной печалью.

И мама грустна. И в глазах её мокрая муть.
Одна Евароновна с радостью необычайной
то трубкой холодной вопьётся мне в жаркую грудь,
то в горло залезет противною ложкою чайной.

Я с ложкою этой борюсь, как с ужасным врагом.
— Ты скоро поправишься, — мне говорят, — вот увидишь...
Потом Евароновне чаю дают с пирогом,
и с мамой весёлой они переходят на идиш.

Ах, Ева Ароновна, если ты только жива,
склонись надо мной, сиротою, во тьме полуночной.
В больничном аду повтори дорогие слова:
— Ты скоро поправишься с травмой своей позвоночной.

Попей со мной чаю, а если ты тоже в раю,
явись мне, как в детстве, во сне посети меня, словно
ликующий ангел, — где чайную ложку твою
приму, как причастье, восторженно, беспрекословно.

2000

* * *

Светает. Сна не в силах досмотреть,
на простыне больничной холодея,
Тебя невольно спрашиваю: где я
и я ли это, Господи?.. Ответь,

зачем так жалок пасмурный рассвет,
зачем Твой свет так страшен? Для того ли,
чтоб я вернулся, плачущий от боли,
в рыбацкой лодке на Геннисарет?

Зачем Тебе улов ничтожный мой?
Не мучь меня, но вызволи из ада.
Мне больше ничего уже не надо —
я так устал бороться с этой тьмой.

Но всё ж светает, смерти вопреки.
На том рассвете, на Геннисарете,
забрасывать заштопанные сети
меня Твои научат рыбаки.

Я нищ и наг. Ни мудрствовать, ни петь,
ни царствовать я больше не умею.
Но если я увижу Галилею —
спасибо, что не дал мне умереть.

2000

* * *

Памяти Натальи Беккерман

Ангел кроткий, ангел нежный,
ангел легкокрылый
зажигает свет безгрешный
над твоей могилой.

Свет струится неизбежный
в неземной отчизне
после тяжелой, безнадежной,
безысходной жизни.

Там сама ты ангел милый,
ангел легкокрылый.
Господи тебя помилуй,
Господи, помилуй!

Ради памяти Наташи
нас помилуй тоже,
и тела, и души наши,
милосердный Боже.

2000

* * *

Так холодно, так ветер стонет,
как будто бы кого хоронят,
родной оплакивая прах.
И будет так со всеми нами:
мы в землю ляжем семенами
и прорастём в иных мирах.

О, как всё здешнее нелепо:
изнеможенье ради хлеба,
разврат, похмелье и недуг.
Ты пригвождён к трактирной стойке,
я пригвождён к больничной койке —
какая разница, мой друг?

Вот нам любовь казалась раем,
но мы друг друга покидаем,
как дым уходит от огня.
И лишь в объятьях скорби смертной
мы молим: «Боже милосердный,
прости меня, спаси меня!»

И в час лишенья, в час крушенья
слетает ангел утешенья
и шепчет, отгоняя страх:
всё, что не стоит разрушенья,
познает счастье воскрешенья
и прорастёт в иных мирах.

2000

* * *

Иоанн отвечает: мы ждём, —
но глаза его сонной тоскою
наливаются. А под Москвою
снег течёт попережку с дождём.

И нельзя добудиться Петра —
словно камнем прижаты ресницы.
А во тьме подмосковной больницы
я и сам в забытьи до утра.

И в краю кривоногих олив
Ты стоишь у меня в изголовье,
смертный пот, перемешанный с кровью,
на иссохшую землю пролив.

Пётр уснул, и уснул Иоанн.
Дождь течет попережку со снегом.
За Тобой не пойдут они следом —
застилает глаза им дурман.

И течёт гефсиманская ночь.
Ты один. И не в силах я тоже
ни спасти Тебя, Господи Боже,
ни бессонной любовью помочь.

2000

* * *

Каждый шаг даётся с болью.
Жизнь твоя почти не жизнь.
Положись на Божью волю,
если можешь, положиись.

Что случилось — то случилось.
Не оглядывайся вспять.
И рассчитывай на милость
давшего Себя распять.

2001

* * *

Я хотел бы прижаться к маме
и сказать: помоги, родная!
Но ко мне с пустыми руками
почтальон вернулся из рая.

Отрешённая от земного,
ты мне больше не пишешь писем.
Я хочу в моё детство снова,
где я был от тебя зависим.

Ты бы мне наливала грелку...
Ах, когда бы не умерла ты —
унесла бы мою тарелку,
убрала бы мою палату.

А теперь лишь глубокой ночью,
да и то лишь по Божьей воле,
я увижу тебя воочью,
забываясь от тяжкой боли.

2001

* * *

Веет холодом, как из могилы.
До рассвета четыре часа.
Даже близкие люди немилы —
отнимают последние силы
телефонные их голоса.

Днём и ночью о помощи молишь,
заклиная жестокую боль.
Милосердный мой, выжить всего лишь
мне хотелось бы, если позволишь,
но хотя бы забыться позволь.

Неужели такие мытарства,
отвращение, ужас и бред
исцеляют вернее лекарства,
открывают небесное царство,
зажигают божественный свет?..

2001

* * *

Беспечный мальчик, жизнь одна лишь —
да и её прожить невмочь.
Читаешь, пишешь, а не знаешь,
какая наступает ночь,

какая тьма уже струится
в окно сквозь тусклое стекло...
Перелистни ж ещё страницу,
пока глазам твоим светло.

2001

* * *

Телефон звонит в пустой квартире.
Я уже к нему не подойду.
Я уже в потустороннем мире.
Я уже, наверное, в аду.

Над моей больничною кроватью,
как свидетель смертного конца,
кто-то наделённый благодатью,
но от горя нет на нём лица.

Или это лишь анестезия,
сон и ледяная простыня?
Надо мной склонясь, Анастасия
отрешённо смотрит на меня.

Неужели я не умираю
и в ночи февральской наяву
к светлому и радостному раю
на больничной койке не плыву?

Боже мой, Ты дал взглянуть мне в бездну,
я стоял у смерти на краю.
Неужели я ещё воскресну
в этом мире, прежде чем в раю?..

2001

* * *

Глядишь с икон, со снежных смотришь туч,
даруя жизнь, над смертью торжествуя.
Но вновь и вновь — оставь меня, не мучь! —
Тебе в ночном отчаянье шепчу я.

Прости за то, что я на эту роль
не подхожу, что не готов терпеть я, —
Ты Сам страдал и что такое боль
не позабыл за два тысячелетья.

Прости за то, что в сердце пустота,
за то, что я, как малодушный воин,
хочу бежать от своего креста,
Твоей пречистой жертвы недостоин.

2002

* * *

Квартира гостями полна.
На матери платье в горошек.
И взрослые делятся на
хороших и очень хороших.

Звон рюмок, всеобщий восторг.
У папы дымит папироса.
Вот этот уедет в Нью-Йорк,
а тот попадёт под колёса.

Осенний сгущается мрак,
кончаются тосты и шутки.
И будет у этого рак,
а та повредится в рассудке.

И в комнате гасится свет.
И тьмой покрываются лица.
И тридцать немислимых лет
в прихожей прощание длится.

Как длится оно и теперь,
покуда, сутулы, плешивы,
вы в нашу выходите дверь,
и счастливы все вы, и живы.

2002

* * *

В гостях никогда не сиделось на месте
ребёнку, который когда-то был мною.
И страшными кошками пахло в подъезде,
где бегал я с бедною Софой больною.

Пока за столом рассуждали премудро,
делясь новостями, враждуя с властями, —
в прихожей я ел тёти-Мусину пудру,
попался и на смех был поднят гостями.

На лестнице тёмной, на лестнице грязной
обиды свои вымещал я на Софе
и ведать не ведал в той жизни злосчастной,
что Бог за меня умирал на Голгофе.

2002

* * *

Памяти Н. И. Б.

В своём углу ты всем бывала рада,
во всех мужчин была ты влюблена.
Тебе таскал я плитки шоколада
и наливал дешёвого вина.

Ты лучшие куски недоедала,
настырного закармливая пса,
капризничала, ныла и рыдала,
ложились в три, вставала в два часа,

придумывала разные предлоги,
чтобы гостей привлечь вернее в дом,
полупарализованные ноги
передвигала с болью и трудом.

Прости меня за то, что обещаю
не смог исполнить, и в холодный лоб
не целовал тебя я на прощанье,
и горсть земли на твой не бросил гроб.

Быть может, там и вправду жизнь вторая,
и брызжет свет из-под могильных роз,
и для тебя раскрыты двери рая, —
я ничего не вижу из-за слёз.

2002

* * *

Подойди ко мне, присядь
на больничную кровать —
я измучен и исколот.
Неужели это — ты?
Может быть, твои черты
на окне рисует холод?

Гость ночной, вернись назад
в безмятежный райский сад,
во блаженные селенья,
и у Бога моего
иль у ангелов Его
испроси мне исцеленья.

2003

* * *

Мне сладко ощутить тех дней очарование:
там каждый выходной который год подряд
они к своим родным приходят мыться в ванне —
отец мой, мать моя и маленький мой брат.

И ясно вижу я, как ждут они трамвая,
собрал своё бельё и в сетку положив.
И дядя Федя рад, им двери открывая, —
семнадцать долгих лет ещё он будет жив.

И Софа к ним спешит походкой косолапой,
и тётя Муся им пижамы раздаёт.
Там жарко, и отец, обмахиваясь шляпой,
рассказывает свой еврейский анекдот.

И вот они чисты, как и нельзя быть чище,
как после многих вод, как после долгих бед.
И омывает свет еврейское кладбище,
где только Софы нет и брата Толи нет.

И вновь они идут к вечернему трамваю,
торопятся домой, бельё своё неся.
А я смотрю им вслед и глаз не отрываю,
хотя на этот свет ещё не родился.

2003

* * *

На львовском базаре помешанный старый скрипач
играет на скрипке, и смех вызывая и плач.

На призрачной скрипке какой-то беззвучный мотив
старик исполняет, на мальчика взор обратив.

В округе скрипач безобидным слывет дурачком:
никто здесь не помнит со скрипкой его и смычком.

Он вскоре исчезнет, но лет через сорок опять
на скрипке таинственной мальчику будет играть.

А в мире, куда он вернулся из детского сна,
нет музыки больше и скрипка его не нужна.

Но он не уходит: теперь ему мир нипочём,
и чем-то незримым всё водит над левым плечом.

2003

* * *

Памяти Марины М.

Повсюду смерть, и смерть, и смерть, и смерть.
И ты ушла... Ответь мне, Бога ради,
оттуда, если можешь, — как мне сметь
пытаться жить, взывая о пощаде?

Как продолжать мне верить в то, что нет
загробной тьмы, считать себя поэтом
и повторять: нас разделяет свет,
и ты — на том, а я ещё — на этом?..

2004

* * *

Памяти Бориса Викторова

...И о тебе не плачу потому,
что я теперь тебя несчастней, Боря,
что ты уже покинул эту тьму
и больше нет мучения и горя.

Тебе уже не страшно, мой родной.
Тебе уже не больно, мой хороший.
Теперь ты там в компании одной
с Ириной, и Мариной, и Алёшей.

Там вечный праздник празднуете вы.
Ты пьёшь вино с Наташею и Женей.
Теперь ты жив, а мы ещё мертвы
для жизни вожденной и блаженной.

2004

Псалом

Ветер воет, проносясь над шатром,
и вокруг меня колыхнется мрак.
Был когда-то я могучим царём,
но свирепый сокрушил меня враг.

В чёрном воздухе ищущую Твою длань,
и душа моя всю ночь напролёт
порывается к Тебе, словно лань
на желанные источники вод.

А засну — так чем блаженнее сны,
тем кошмарней ненавистная явь.
И бездонней не сыскать глубины,
из которой я взываю: избавь!

Возврати мне прежний царственный вид
и по слову Твоему оживи!..
Так терзается несчастный Давид
от пронзительной Господней любви.

2005

* * *

Ты плачешь, глаз не открывая,
в потёмках полузабытья
не видя очертаний рая...
А может, это плачу я.

Никто не знает, как ужасно
твоё страданье и моё.
Зачем же так? Иль всё напрасно —
и крест, и гвозди, и копьё?..

2005

* * *

Здесь пьют ночами алкоголики
и бьют бутылки о скамьи.
А утром дети, сев за столики,
играют в крестики и нолики,
в морские тихие бои.

И Сеня с Ваней в шашки режутся,
А Бенья с Монею — в дурака.
И мотыльки на клумбах нежатся,
но не сорвать уже цветка:
былое только чудно брезжится,
а жизнь дика и коротка.

Затихло в парке птичье пение
и хризантемы отцвели.
И смерть и с Ванею, и с Бенею
в кресты сыграла и в нули.

Но ангел скорби и гармонии,
покинув тёмный небосвод,
над Ваней, Сенею и Монею
в пустынном парке слёзы льёт.

И вестник света и спасения,
незримо берегущий нас,
суровый ангел воскресения
за Ваней, Бенею и Сенею
сюда слетит в урочный час.

2005

Триптих

Памяти Е. С.

1.

Вот и отмучилось брренное тело.
Как же ты, бедная, выжить хотела!

Даже не знаю, сожгли тебя или
в землю чужую бесслѣзно зарыли.

Ах, говорю себе, не всё равно ли,
если ты больше не чувствуешь боли

и приобщилась душа твоя к тайне,
сорокадневное кончив скитанье.

2.

В тяжком беспамятстве, ночью глубокой
часто мне снится твой взгляд с поволокой,

руки и губы (остаться во сне бы!)...
Верю, что видишь и ты меня с неба.

Чая свиданья, я думать не смею,
что повстречаю слепую психею,

чудного призрака в образе женском,
с ликом, сияющим райским блаженством.

3.

Ночью глубокой обняв тебя страстно,
я не пушу тебя в это пространство,

в эти обители, в то измеренье,
где пребываешь бесплотную тенью.

Ты навсегда остаёшься со мною
вечно живою, навеки земною

в сладостном сне, где беды не случится, —
с родинкой нежной на правой ключице.

2007

* * *

По душевной комнате влача
полубезжизненное тело,
моли небесного Врача,
чтобы страданье ослабело.

Уйти б туда, где боли нет.
Но небеса черны над нами.
Закрыв глаза, ты видишь свет.
Закрыв глаза, я вижу пламя.

2007

* * *

Наступает мутный вечер,
а за ним — ночная тьма.
Ад, наверное, не вечен.
Лишь бы не сойти с ума.

Ибо в это время суток
боль струится через край.
Боже, попадут ли в рай
потерявшие рассудок?..

2007

* * *

...И ангелов я вопрошаю Твоих:
зачем я остался в живых?

Осеннею ночью с промозглой травы
зачем меня подняли вы?

Уж лучше б меня унесли далеко,
где так бы мне стало легко,

в ту местность, куда провиденьем благим
ко мне бы — один за другим —

в свой срок прибывали любимые мной
из горестной жизни земной.

2007

* * *

Снег, укрывший всё навеки,
клонит в сон, смежает веки,
словно манит в мир иной.
С именем, на дар похожим,
ты была мне даром Божьим,
стала горем и виной.

Снег валит неумолимо,
и болит неуголимо
всё во мне и всё вокруг.
Даже ты, со мной измучась,
избрала другую участь.
Бог с тобою, милый друг.

Снег летит над смертной сенью,
заметает путь к спасенью.
Спи, дитя моё, не плачь.
Ангел мой, кружа над бездной,
из пекарни занебесной
принесёт тебе калач.

2008

Избранные стихотворения

(1983—1998)

Бессонница

1.

Такую ночь, как враг, себе назначь.
Как враг, назначь, прими, как ангел падший,
где снег летит, опережая плач,
летит, как звук, от музыки отставший.
И тьма вокруг. И снег летит на вздох,
ни слухом не опознанный, ни взглядом.
В такую ночь бессилен даже Бог,
как путник, ослеплённый снегопадом.
И Бог — уже никто. Он — темнота
за окнами. Он кроною ночью
ко мне в окно глядит. Он — немота.
Он задохнулся снегом за стеною.
В такую ночь кровати, двери, шкаф
подобны исполинским истуканам:
вот-вот и оживут они, припав
к оставленным, недóпитым стаканам...

2.

Я помню: так же ветер завывал
в такую ж ночь — ни звёзд, ни Божьих знаков.
Я собственное имя забывал
во сне — и называл себя Иаков.
И снилось мне, что это — сон навек
и никогда не будет пробужденья.
Всю ночь я колыхался, как ковчег,
на вóлнах отчужденья и забвенья.
И было пробуждение. И явь,
казалось, в окнах светом брезжит утро.
Но как преодолеешь море вплавь? —
То был лишь сон, в котором снилось утро.

Там, в этом сне, я тихо умирал.
И сам себе я снился пятилетним.
И снег летел безмолвно, наповал,
и падал с неба лебедем балетным.
Меня куда-то с хлопьями несло.
Умёршие со мной играли дети.
И календарь не помнил про число.
И ночь не вспоминала о рассвете.
Я умирал на гребне января,
и холод, наступивший наконец-то,
все окна в доме настезь отворя,
увёл меня в пожизненное детство...

3.

И я тогда не умер. Я живу.
Но, тем же снегом к стёклам прилипая,
всё та же вьюга, только наяву,
крушит окно, как всадница слепая.
И снег летит в былые январы.
И в комнате безжизненно и пусто.
И двери открывает изнутри
ночной сквозняк, и вслед за ним искусство
уходит прочь из комнаты моей
на снег, на смерть — сродни пустому звуку.
И всё никак не может до дверей
ко мне Господь пробиться в эту вьюгу.
Но, Господи, услышь хотя бы плач!
Узнай, о ком я плачу хоть, о ком я...
Уже не хлопья в окна бьют, как мяч,
а чёрные кладбищенские комья.
...Не о тебе ль я плачу, не твою
ищу ли руку, жалуясь и каюсь?
И в темноте то на руку свою,
то на свою молитву натыкаюсь...

Не дай тебе беспомощный Господь
в такую ночь проснуться — о, не дай же!...
Он сам уже — одна больная плоть.
Он лишь на шаг продвинулся — не дальше...

4.

Кто ж эту ночь на боль короновал? —
пусть мой вопрос никем уже не слышим! —
Кто выдумал нелепый карнавал,
где в маске снега страх течёт по крышам?
То страх мой потерять тебя впотьмах,
и страх ещё покуда не имущих,
и страх уже утративших, и страх
ещё своих утрат не сознающих,
и страшный страх лишённых сна навек,
кто сам — непоправимая утрата...
Так вот что означает этот снег,
точнее, то, что в маске снегопада.
И снег летит неведомо куда.
И длится страх мой, в грех перерастая.
И длится шаг Господень без следа.
И длится ночь, безбожная, пустая.
И мы с тобой навеки длимся врозь,
невыплаканной тьмою отчуждаясь.
И снег летит, как поезд под откос,
своим ночным крушеньем наслаждаясь...

1983

Болезнь отца

...Не плачь, не мучайся — ведь эта ночь пуста.
Но жить научимся мы с чистого листа.

Во сне безоблачном, в беспамятстве, отец,
трёхлетним мальчиком я стану наконец.

В блаженном сне ещё не смыслю ничего.
Мне вяжут варежки из шарфа твоего.

И мы с тобою коротаем карантин
в одной из длительных, медлительных ангин.

О, не волнуйся так — ведь я тебя люблю.
Я наблюдаю за тобою — я не сплю.

Игрушки тоже наблюдают за тобой —
ты машинально их таскаешь за собой.

И медлишь в кухне, дожидаясь в темноте,
покуда чайник содрогнётся на плите.

Я наблюдаю за тобой — мне невдомёк,
зачем жуёшь ты одноглазый огонёк.

И улыбаюсь я тебе из пелены
моей ангины — удивительной страны,

где так нежны твои шаги из-за дверей
под состраданье этих плюшевых зверей.

Ты шепчешь весело, глотая аналгин:
«Неизлечимых не бывает от ангин...»

Но сны кончаются — бездонна только явь.
Подушку влажную с усилием поправь.

Я снова мучаюсь бессонницей впотьмах
на отвратительных вагонных простынях.

В дремучем поезде, за тридевять земель,
я снова падаю в холодную постель.

В дремучем поезде шепчу уже едва:
«Неизлечимых не бывает, не быва...»

1983

Соната для бессилия

В этом городе — снег. В этой комнате — я.
К циферблату секундная стрелка примёрзла.
Остановлено время моё. Как ладья,
 потерявшая вёсла,
погружаюсь, бессилье, в пучину твою,
 до рассвета в ней вязну.
Этой режущей нежности не утаю,
 не сглотну эту спазму..
Ничего, ничего не скажи ей — молчи!
В неуместное время на свет родились мы.
Не стучись к ней доверчиво в этой ночи
 и не шли свои письма.
Ничего, ничего не скажи ей — пускай
не узнает... зажги ей дрожащие спички,
в белоснежную темень её отпуская,
 отвернись с непривычки
изменяться в лице от её прямоты..
Этой режущей нежности ты не избудешь.
Но пойми, что не ты... что не ты..
 Только жалость разбудишь.
И пойми, что с тобою случилась беда:
эта нежность на свет родилась так недавно,
как ребенок больной — от него никуда,
 ну а к ней и подавно
не припасть и не вышептать, как ты завяз
в этой нежности, влажной и мятной,
 что с тобою срослась,
 как родимые пятна..
Пусть не знает она ни о чём, ни о чём! —
 Постарайся не плакать.
И приляг на подушку и будь ни при чём,
 как искусанный локоть...

В этом городе снег до рассвета — запрячь
эту горечь в анапест
(умоляю тебя — не сорвись! не заплачь!)
и пойми, что она без
тебя проживёт... В этой комнате — снег!
И бессонница длится!
Пусть голубка спокойно покинет ковчег —
отпусти эту птицу!
Этот снег разрывает под острым углом
ослеплённые окна!
Постараюсь упасть лихорадочным лбом
в ледяные волокна
бесполезной подушки и помнить навек,
как бессилье плелось кружевами,
как метался тяжёлый, немислимый снег
между нами...

1983

* * *

Я не хочу сравнений — эта блажь
мне надоела — «как», «как будто», «точно».
Фальшивым блеском их не передашь,
как без тебя мне холодно и тошно.

И о тебе писать я не хочу:
«упала, как звезда на бездорожье» —
и добавлять: *«как лишнюю свечу,*
задув меня...» — всё это будет ложью.

Вот человек испытывает страх.
Он просто плачет, просто что-то пишет.
И комкает бумагу второпях,
и в окна обмороженные дышит.

И взгляд его рассеян и зловещ,
и, шевеля бескровными губами,
он с полки опрокидывает вещь.
И дым под потолком стоит клубами.

И он стучится в комнату к другой,
и задаёт нелепые вопросы,
терзая свитер правой рукой,
а левой — предлагая папиросы.

И входит он, и гордую главу
роняет к ней на круглое колено.
И говорит: «Как тяжко я живу!» —
вздыхая и смелея постепенно...

А за окном — бездомность, снегопад.
И человек заботится о малом:
спешить к себе, в потёмках, наугад,
забыться под шершавым одеялом;

уйдя в своё несвежее тепло,
в остывший чай швыряя липкий сахар, —
о том, что город страшно замело,
не вспоминать, и думать без метафор

о том, что мать больна, и позабыть,
что мать больна, что столько эгоизма
в *той* женщине, и надо бы запить,
и спрятать пересчитанные письма.

Но, обложившись ворохом бумаг,
он снова пишет, чёркает и плачет.
И знает он, что эти «словно», «как»
и «будто» — ничего уже не значат.

И лбом стекло оттаивая, он
зовет её, вышёптывая ямбы.
Но только ночь течёт со всех сторон
на душный свет его безумной лампы.

1983

Зеркало

1.

Когда затихнет и ослепнет дом
и на губах — ни стоны и ни слова, —
как чужд его распахнутый проём!
О, как боюсь я зеркала ночного!
О, как томится воздухом гортань,
как зорки вещи в чутком карауле!
Как дыбится моя дневная ткань
чудовищем бесформенным на стуле!
Я не решусь в упор глядеть туда:
в том зеркале, в его резной оправе,
возникнуть может то, что никогда
не смеет нас в дневной касаться яви.
Там отраженья комнатные спят.
Там — продвиженье пеших или конных
теней, спешащих сну наперехват,
и мельтешенье веток законных.
А мы — всего беспомощнее в нём,
покуда спим, тихи, простоволосы,
в нелепом одеянии ночном
принявшие причудливые позы.
Так посреди враждебной тишины,
пленённые его стеклянным зевом,
мы все равны, мы все примирены,
почти причастны ангельским напевам...

2.

Не бойся же, сомнение тая,
когда в потёмках, слитых с амальгамой,
мелькнет любовь далёкая твоя
и осторожно скроется за рамой.

Не прекословь виденью прошлых лет
(ведь пустота — страшнейшая из пыток),
прими её бездомный силуэт,
как Божий дар, как горестный избыток
минувшего, — гляди ей вслед светло,
но руки к ней протягивать не надо,
иначе о разбитое стекло
поранишь их — достаточно и взгляда.
Не окликай по имени её —
завязнет звук в прозрачном этом слое.
За то, что ты отрёкся от неё —
ты ей навек обязан немотою.
Усни, забудься — тени не обнять!
Малейший стон твой должен быть подавлен.
Иначе в этом зеркале опять
ты отразишься плачущим и давним
мальчишкою, лежащим на боку,
с дрожащей и искусанной губою,
взывающим к пустому потолку
с безумной и свирепою мольбою.

1984

* * *

Сквозняк скребётся в дверь, щекочет мой замок,
скользит по волосам, как в поредевшей кроне.
Сегодня я не так ужасно одинок:
за то, что все ушли, я разлюбил их, кроме
одной тебя... Но ты ко мне не постучишь.
Оранжевый фонарь кошмарным конвоиром
сквозь стекла жжёт глаза... Вокруг — такая тишь,
которая уже не связывает с миром,
а исподволь сулит разлуку и урон.

Неужто оттого я так немного значу,
что плачу посреди утрат и похорон
я только о себе, когда о ком-то плачу?..

1984

* * *

Боже, как холодно в мире Твоём!
С каждым глотком Твоя чаша бездонней.
Словно гагары подбитые, пьём
ласковый лёд из любимых ладоней.

Видишь, уже не хватает мне сил
даже взмолиться к Тебе и заплакать.
Что же Ты, Господи, детскую мякоть,
тёплую, в камень во мне превратил?

Слабые руки к Тебе возношу.
Но ничего от Тебя мне не надо.
Я ничего у Тебя не прошу.
Даже беспамятства. Даже — пощады.

1984

Воспоминание

В небе вечернем, окрашенном в йод,
ворон, как чёрная нитка, снуёт,
перешивающий сумрак во мрак.
Бедная женщина, как же я так?..
(Остановись, отдышись, покури.
Рифму ищи, сам с собой говори.
С ритма сбивайся, спички ломай.
Плачь. Вспоминай. Умирай.)

Боже, я зла никому не хотел!
Я лишь боялся сплетения тел.
Пусть оборвёт свою чёрную нить
ворон, меня пожелавший винить.
Господи, я не прошу ничего! —
Только её из ребра моего
вновь, умоляю Тебя, сотвори!..
(Остановись, отдышись, покури.)

В брошенном доме блуждает сквозняк.
Как же я так и за что же мне — так?..

1984

Так эта ночь нежна, так ливень милосерден.
Так бескорыстен плач, так бесконечна тишь.
Я руку приложил — ты стала правым сердцем.
Покалываешь чуть. Почти что не болишь.

Я знаю — этот страх к рассвету вновь воскреснет,
войдёт, как секундант, и спросит: не пора ль?
И будет щебет птиц так тяжек и надтреснут,
как будто снится им пожизненный февраль.

Я — жаворонок... нет... я — речью этой жалок.
Гортань моя суха, темнее темноты
забота о себе: рука бы не дрожала,
нога б не затекла, забыться бы, но ты

усни, усни, усни под чуткою ладонью.
Ты — правое во мне. На свете нет потерь.
Я ревновал тебя к сиротству и бездомью —
под правую рукой ты вся во мне теперь.

Но та рука влажна — от ливня ли, от слёз ли,
и крестовиной страх растёт в моем окне:
ты вся теперь во мне, но ты лежала возле
и стала пустотой на смятой простыне.

Не мучься — ты права под правую рукою.
Но справа пустота на тело, как ледник,
ползёт — я потерплю, я поплотней укрою
её и притворюсь, что это — твой двойник.

Так милосерден дождь, что речь моя промокла.
Уже словам нужна защита немоты.
Не бейся ж так во мне, как бьётся дождь о стёкла.
Не бойся — я с тобой. Но ты... но ты... но ты...

Закливание

И это объятье, которым тебя от зимы
спасаю сейчас, от угрозы её ледяной, —
всего только то, что мы взяли у смерти взаймы,
всего лишь отсрочка на время от стужи иной.

И я заклинаю: как можно теснее прижмись,
чтоб холод могильный меж нас просквозить не сумел,
покуда мы в силах объятьем поддерживать жизнь
доверчиво нежных, блаженно испуганных тел.

Покуда мы рядом, у смерти надёжный призор.
И ангел её указательным чертит перстом
на нашем окне безысходный морозный узор
и дверь помечает размашистым белым крестом.

Пока не затихла дремучая эта боязнь,
теснее прижмись — заклинаю тебя в эту ночь.
И так обними меня, будто иду я на казнь,
и надо проститься, и больше мне нечем помочь.

1984

Ариадна

...И сердцу в лад по стёклам дождь стучит
бессмысленно и скучно — вероятно,
его, как нить напрасную, сучит
возлюбленная мною Ариадна.

И нить прядётся, но спасенья нет.
Чернеет небо, дождь холодный сея.
Тебе уже не вывести на свет
навек изнемогшего Тесея.

— Приди! Приди! — шепчу тебе во мглу, —
над прялкою бессонною усердствуй!
Слепую нить проталкивай в иглу,
настойчиво нацеленную в сердце.

— Из лабиринта нет пути, родной!
— Из лабиринта нет пути, родная!
Молись и плачь, над пряжей изнывая.
Всё кончено. Лишь слабый голос мой
хрипит во тьме, себя не узнавая...

1984

* * *

Эта ночь древна, словно время оно.
Погаси же свет, поспеши раздеться.
Отыщи игрушку в своём бездонно
потонувшем детстве,

где размытый врач удаляет гланды,
умоляет: спи, поскорей улягся...
Эта тьма, как будто в строке диктанта
растянулась клякса.

Это страхи: будем ли утром живы?
Лишь погаснет свет — опасайся крысы
и дневных гостей, оттого что лживы,
велики и лысы.

Это — злая пасть над уснувшим миром
рыбы жирной, мстью грозящей, ибо
меня мама долго поила жиром
этой хищной рыбы.

Оттого и снится она, тугими
плавниками синими негодуя.
По её же воле горю в ангине
сорок раз в году я...

1985

* * *

В эту полночь, в эту выюгу
долго, долго снится мне,
как по замкнутому кругу
бродят стрелки в тишине.

Как из плоского бутона
две безумные пчелы
тяжело и монотонно
время пить обречены.

Собирать с минуты влажной
смертоносный свой нектар.
И накапливать протяжный,
оглушительный удар.

1985

* * *

Я неожиданно пойму:
какая ночь бы ни нависла —
никто, свою лелея тьму,
не просветляется до смысла.

Никто, в себе лелея мрак,
не прозревает своевольно.
И не бессмыслен мир, но так
бывает тяжело и больно...

Так холодна моя рука
поверх чужого одеяла.
Так бесконечно далека
моя любовь от идеала...

И всё ж мне чудится порой
какой-то смутный шорох рядом,
как будто кто-то надо мной
склонился с предпоследним взглядом.

И как бы я ни пал на дно
жесточкого миропорядка —
я верю вновь, что всё равно
мне суждена его оглядка,

что всех нас ждёт его ответ,
быть может, и невыразимый,
что нас зальёт какой-то свет,
быть может, и невыносимый.

О, как я счастлив осознать,
что я ещё люблю и плачу,
что в этом мире благодать
я не меняю на удачу.

И задыхаюсь, и молю,
и трепещу перед расплатой.
И называю жизнь мою
то лучезарной, то проклятой.

В блистанье солнечного дня,
в сиянье лунного разлива
он только смотрит на меня
то потрясённо, то брезгливо.

1985

* * *

Душа моя, со мной ли ты ещё?
Спросонок вздрогну — ты ещё со мною.
Как холодно тебе, как горячо
под смертной оболочкою земною!

Ужель была ты некогда верна
иному телу? Милая, как странно,
что ты могла бы жить во времена
какого-нибудь там Веспасиана.

Душа моя, была ли ты — такой?
Не представляю чуждую, иную.
Ко праху всех оставленных тобой
тебя я, словно женщину, ревную.

Душа моя, услышишь ли мой зов,
когда я стану тусклой горстью пыли?
Как странно мне, что сотни голосов
с тобой из тьмы посмертной говорили!

И страшно мне — какой ты будешь там,
за той чертой, где мы с тобой простимся,
и вознесёшься к белым облакам
иль поплывёшь по чёрным водам Стикса.

И там, где свет клубится или мгла,
родство забудешь горестное наше...
Я не хочу, чтоб ты пережила
меня в раю, в заветной лире — даже.

И как тебя сумел бы воплотить
в безумное и горькое какое
творенье? Твой исход предотвратить
нельзя мне и бессмертною строкою.

Но если нет возвратного пути,
то, уходя к неведомой отчизне,
душа моя, за всё меня прости,
что сделал я с тобою в этой жизни.

1985

К тени

Всю жизнь свою страшась могильной тьмы,
страдая, ненавидя и любя,
тепло и свет накапливая, мы
обречены отбрасывать тебя.

Блуждавшая за мною столько лет,
ты мне чужою стала, ты — ничья.
А я теперь отбрасываю свет,
как с двух концов зажжённая свеча.

Не жалуйся на горький свой урон
и верь, что там, у ночи на краю,
тебя возьмёт какой-нибудь Харон
в свою гостеприимную ладью.

Так на прощанье я тебе скажу,
когда настанет мой последний день
и я тебя навек освобожу,
печальная, отверженная тень.

1985

* * *

Жизнь против стрелки часовой
к небытию стремится.
Там рыбы с крыльями со мной
и с плавниками птицы.

А я — всё младше под конец.
И в дождевом накрапе
так страшно молод мой отец
в нелепой чёрной шляпе.

По тёмным водам Стикса вплавь
вернётся гость из рая,
во снах, опередивших явь,
подарки раздавая.

И наступают времена,
похожие на грёзы,
где, несмышлёного, меня
целуют прямо в слёзы.

Всё так туманно, мир так пуст...
И всё потусторонней
прикосновенья чьих-то уст,
дыханий и ладоней...

1986

* * *

М. Г.

Всю ночь, всю ночь ты снилась мне с другим.
И наяву сильнее сердце билось.
И страсть того, кто был тобой любим,
вокруг меня, как облако, клубилась.

Всю ночь меня сжигал его огонь,
едва лишь руки ты к нему простёрла.
Всю ночь тебя ласкавшая ладонь
мне беспощадно сдавливала горло.

Так труден вздох был мне, что я на том
конце земли ловил твоё дыханье,
от ласки учащённое... С трудом
я обретал померкшее сознание.

И долго, словно рыба на песке,
чьи жабры содрогались вхолостую,
я мучился, и жилка на виске
перегоняла кровь мою слепую.

Я открывал глаза на Божий мир
и слушал дождь над улицей пустою,
и суету проснувшихся квартир,
и сердце, поражённое тоскою...

1986

Ангел

Я уже не верил в чудо,
но услышал голос твой:
«Хочешь, ангелом я буду
в изголовье над тобой?»

Милый ангел, поздно очень
оказался рядом ты.
Не страшны мне больше ночи,
дни мои не так пусты.

Помнишь, как тебя я прежде
из последних самых сил
в лёгкой облачной одежде
прилететь ко мне просил?

Как тебя бы полюбил я!
Как бы стало нам светло!
А теперь твои мне крылья
грудь сдавили тяжело.

Улетай же ради Бога!
Нам не весело вдвоём.
Милый ангел, слишком много
света в облике твоём!

Слишком позднее свиданье
нам сулили небеса.
Слишком позднее сиянье
обожгло мои глаза.

Что ты, милый, я не плачу!
Даже плакать не могу.

Я глаза от света прячу
и дыханье берегу.

Что ты, милый! Бог с тобою!
Я спокоен, отчего ж
сам ты плачешь надо мною,
крылья на руки кладёшь?

Полно, милый! Ну не надо!
Что так жалобно приник?
Всё равно ведь сердце радо,
что ты всё-таки возник.

Ты сдержал ведь обещанье:
появился рядом ты.
Пожелай мне на прощанье
очень лёгкой темноты.

Я, как милую надежду,
отпущу тебя к другим.
Влажный край твоей одежды
поднесу к губам своим.

1986

Больница

Ирине Хроловой

Спи, родная... Смятенье моё
к изголовью прильнуло с мольбою:
— Если только страданье твоё
не пробудится вместе с тобою!..

Закопанный фонарь кружева
отрешённо плетёт на паркете.
— Если только ты будешь жива,
если только ты будешь на свете...

Если только твоя тишина
не внушала бы мне опасенья!
Если всё-таки боль нам дана
не для гибели, а во спасенье...

Если всё-таки выживем мы,
если всё-таки ангел небесный
наши жизни отмолит у тьмы,
остановит, безумных, над бездной...

Если только мой голос живой,
если всё, что сейчас говорю я,
не уносится вместе с тобой
в беспросветную ночь мировую...

1986

* * *

Я вас любил...
Пушкин

Снег засоряет мрак, угнетает зренье.
Явь убивает сон и окурки множит.
Как упоительно это его сомненье,
это его смиренность: *ещё быть может...*

Спи же, дитя моё, — *не совсем угасла*.
Только совсем замёрзла и так ей плохо...
Яви не хватит ночи, лампаде — масла,
сердцу — тепла, пересохшей гортани — вдоха,

чтобы *я вас* — продолжить, и комом к горлу
что-то подступит тяжко, немилосердно...
Видно, не нужно время тому глаголу,
если не повторить нам его посмертно.

Если метель такая — не то что бесы —
даже и ангел взвоят: темно и снежно.
Только и хочешь выжить, и то лишь, если
будет совсем *безмолвно и безнадежно...*

1987

* * *

*Любить и лелеять недуг бытия...
Баратынский*

Любимая, мне страшно за тебя.
Зачем, недуг лелея и любя,
об исцеленье думаешь заране?
Земную жизнь пройдя почти на треть,
зачем в иную пробуешь смотреть,
водя пером по их незримой грани?..

Не видя в этом времени пути,
сердца свои мы держим взаперти,
и опыт нас безвыходности учит:
пойдёшь направо — злую встретишь ложь,
прямым путём и вовсе пропадёшь,
свернёшь налево — жалостью замучат.

Я плачу, плачу — всё обречено.
Я тупо пью холодное вино.
И постепенно зреет безразличье
во мне к себе, к другим и к небесам,
к невыносимым чьим-то голосам,
срывающимся на косноязычье...

Но часто всё ж мне кажется — я жив,
и в общем хоре голос мой не лжив
лишь оттого, что ты на этом свете.
И за тебя в ночной моей тоске
я помолюсь на странном языке
местоимений, слёз и междометий.

И, может быть, не в том моя беда,
что ты со мной не будешь никогда,
не в том, что врозь отправимся с тобою

мы и туда, чего и мысль, и речь
страшится, от чего не уберечь
друг друга ни объятьем, ни мольбою.

Но в том беда, любимая, что нам,
скорей всего, не встретиться и там,
куда глядишь ты так неосторожно.
И если тот же холод там и тьма —
что остаётся?.. Не сойти с ума,
и жить, когда и выжить невозможно.

1987

*Это стихотворение адресовано Марине Георгадзе, русской поэтессе,
скончавшейся в 2006 г. в Нью-Йорке в возрасте сорока лет.*

* * *

Откуда ты? Зачем ко мне приник,
полубезумный, бедный мой двойник?
В пустой ночи страшны твои объятья.
Как поздний гость с распахнутой душой,
несносен ты, совсем уже чужой.
Уж лучше бы упреки и проклятья...

Откуда ты? И правда ли, что жив?
И голос твой по-прежнему не лжив?
Не плачь, родной, не мучайся — я верю,
Я даже помню что-то: летний дождь,
обрывки речи, шарканье подошв
и долгий детский ужас перед дверью...

И как ты был неловок и смешон,
одёргивая милый капюшон,
беря её за мокрое запястье...
Зачем ко мне приходишь ты, такой?
Да-да, конечно, — *воля и покой*.
А счастья нет. Но это было — счастье...

Я больше ничего уже не жду.
Я пережил и дружбу и вражду.
Я зло творил с лицом невиноватым.
Я всею кожей чувствовал своей,
как страх сквозил из окон и дверей
и воздух стал удушливым и ватным.

Уже я столько горечи вкусил,
что мне тебя и выслушать нет сил.
Я твоего не стою утешенья.
Откуда ты? Тебя ведь нет давно!..
Лишь чёрный дождь на тёмное окно
летит, моё смывая отраженье.

* * *

Может быть, оттого не должны
умирать мы по собственной воле,
чтоб на тех не осталось вины,
кто не смог защитить нас от боли.

Может быть, оттого и должны
мы забыть об отравленных чашах,
чтобы меньше осталось вины
на невольных мучителях наших.

И должно быть, затем не вольны
мы покинуть земную обитель,
чтобы меньше осталось вины
и на тех, кто нас гнал и обидел...

1988

* * *

Господи, что же случилось со мной?
Глохнет душа, утомляется тело.
Стало бедою моей и виной
всё, что ласкалось, и льнуло, и пело.

Детство к рассвету подходит к концу.
Ты его пьёшь, умирая от жажды,
видя себя, вопреки мудрецу,
в прежнюю реку вступающим дважды.

Только вступаешь с иного конца,
освободясь от истлевшего платья,
мёртвую ветвь отведя от лица,
тёплые руки убрав из объятия.

Вслед за собой устремляешься вплавь
и в прибывающем утреннем свете
вновь попадаешь в постылую явь,
словно в свои же забытые сети.

Господи, я ничего не могу!
Мне не доплыть до свиданья с собой же!...
Я очертанья на *том* берегу
с каждым рассветом теряю всё больше.

Это — меня убивающий свет,
ставший бедою моей и виною,
неотвратимо сводящий на нет
даже родство между мною и мною.

1988

В это лето

От воркованья голубиногo
я просыпался в это лето,
чтоб ощутить себя, любимогo
тобой, очнувшегося где-то
в чужой квартире на окраине,
невероятной этой ранью
являющей подобье рая, мне
дарованного Божьей дланью,
столь осязаемой — хоть тронь её —
и столь же не потусторонней...
И тело, словно постороннее,
ещё в тепле твоих ладоней,
оглядывал я с удивлением:
да полно! уж и впрямь — моё ли?..

.....

С невыразимым выражением
недоумения и боли,
о, не гляди, прошу, из прошлого,
из ворожбы и волхвованья,
из голубиногo, истошного,
помешанного воркованья, —
не то в ночи опять заплачу я
и поцелуями покрою
твои тогдашние, горячие
и Божьи длани надо мною...

1988

Два голоса

«Бог даст, и ты покинешь эту явь,
как милое, но скудное предместье
иного града, лучшего...» — «Оставь!
Ещё никто блаженного известья
не подавал оттуда никому...» —
«Увы, не сообщаются сосуды.
Бог даст, и ты покинешь эту тьму...» —
«Ещё никто не присылал оттуда
ни голубя, ни голоса... Дыряв
его челнок...» — «Но сказано ж: *не весь я...*
И надобности нет в поводьях...» —
«Ещё никто ни ласточкой, ни вестью
оттуда не выпархивал...» — «И что ж?..» —
«Ни отклика, ни смутного глагола.
Всё ненавистней слабых пальцев дрожь.
Всё нестерпимей привкус валидола...»

1988

* * *

Кружится чёрная музыка,
дряхлую мучит иглу.
И с обречённостью узника
день убывает во мглу.

В белом и розовом кто же там,
детские слёзы лия,
слушает песнь о непрожитом?
Кто это? Это — не я.

Кто там за окнами в траченном
древнею молью пальго
слушает песнь об утраченном?
Кто это? Это — никто.

Это, моё тошнотворное
преображая жильё, —
непостижимое, чёрное
льётся сиянье твоё.

И, как всему оправдание
в существованье моём,
это твоё содрогание
под неживым остриём,

это моё на мгновение
соединенье с тобой
среди мирового затмения
и глухоты мировой.

1989

Памяти Арсения Тарковского

Так светло свершалось отпеванье,
точно это было упование
на ему назначенное *там...*
Словно отделённые стеною,
целование клали костяное
на чело, открытое устам.

Тяжесть гроба сковывала плечи.
А ладья плыла уже далече
и легка была, как колыбель.
И, едва ступившего на сушу,
целовали мальчика Арсюшу,
постелили чистую постель.

Желчь и соль душа пила бессрочно.
Но такое утро было, точно
расцветало новое родство.
Обернулось явью вероятно:
сын любимый, в *отчие* объятья
нежно заключающий его.

А внизу среди пения и зноя
смертью пахла сложенная хвоя.
Свет скользил по жёлтому лицу.
И, теряя скорбное значенье,
пребывали в странном облегченье
и молились Сыну и Отцу.

1989

Памяти отца

1.

Совсем не ты — а кто-то неживой,
с положенной неловко головой,
так сжавший губы, словно бы оттуда,
из темноты, не смея произнести
блаженную разгадку или весть...
Молчи, молчи — я буду верить в чудо.

В сиротском сне не мучь меня — невмочь
мне видеть, как ты молод в эту ночь:
из твоего огромного кармана
я что-то непонятное тащу,
в буфете роясь, сладости ищу,
а ты глядишь растерянно и странно.

И я слезами жадными давлюсь,
и найденным с тобою не делюсь,
и, содрогаясь, снова это вижу...
Могильный ком, обрушенный во тьму,
подступит словно к горлу моему,
и детство я своё возненавижу.

В моём каком-то старом пиджаке,
с обшарпанным портфельчиком в руке,
во снах, где рай душа твоя нашла бы,
идёшь ко мне ты — с горем пополам,
и древний дождь стекает по полям
твоей нелепой, необъятной шляпы.

И, плачущего мальчика, меня
ты снова держишь за руку, храня
на этот раз уже как бы над бездной.

И наблюдаешь с жалостью за мной
ты, не вкусивший сладости земной,
не обделённый милостью небесной...

1989

2.

На кладбище еврейском в светлый рай
тяжёлый ветер сор осенний гонит
с разбитых плит — приюта птичьих стай.
На кладбище, где больше не хоронят,

вот здесь твоя могила родилась
вблизи чужой — забытой и умершей,
где я к тебе приник в последний раз,
не веривший и плакать не умевший.

Сквозь прах и ветер мне не разобрать,
не разгадать среди родного мрака,
какую ты вкушаешь благодать
у Бога Авраама, Исаака...

Благословив свистящий этот серп,
сквозь прах и ветер на твоей могиле
я лишь шепчу: да будет милосерд
к тебе Господь Иакова, Рахили...

1990

* * *

Вот и всё. Не мучь себя виною.
Оставайся слабою, земною.
Забывайся Моцартом и сном.
Жалобно свернувшись на кровати,
ты едва ли ветра виноватей,
холода и мрака за окном.

Как ты там? Легко ль тебе, светло ли?
Больше никогда не будет боли.
Всё уже искуплено с лихвой.
Никому не надобно возмездья,
если слышен Моцарт и созвездья
заживо горят над головой.

Я уже смиреннее и тише
снега, устилающего крыши.
Страшная такая тишина...
Будь любима, Господом хранима,
и не помни, как неумолимо,
непреодолимо прощена.

1990

Сон

И влажный ужас глаз твоих, волос,
и жаркие, смелеющие губы —
всё это словно заново сбылось,
как будто всплыло из бездонной глубины.

Как будто есть совсем иная явь,
вовек не побеждённая судьбою,
где, с кровью от себя не оторвав,
я в пустоте склоняюсь над тобою...

1990

Прощание

Я говорил с тобой, а ты уснула.
Сырая мгла сгустилась, и всю ночь
к окну листва испуганная льнула
и, содрогаясь, отстранялась прочь.

И в доме, поражённом немотой,
малейший шорох чудился мне знаком
присутствия незримой силы той,
что обладала властью над листвой,
и правила безмолвием и мраком,
и безмятежный сон хранила твой.

И силу ту родство моё с тобою,
охваченный надеждою слепую,
всю ночь, всю ночь просил я уберечь.
И тёмною, бессвязною мольбою
была моя очнувшаяся речь.

А за окном бледнела синева.
И мне казалось, что мои слова
услышаны и будет свет и милость.
И плакал я. И мокрая листва
всю ночь, всю ночь в окно твоё ломилась.

И ты спала, дыханье затая.
И самый сон твой был мне словно в помощь.
И пела радость краткая моя,
как сумасшедший жаворонок в полночь...

1991

Тёмный ангел

В поздний час изнеможенья
всех бессонных, всех скорбящих,
в ранний час, когда движенья
крепко скованы у спящих,

в час разомкнутых объятий,
в час, когда покой, как милость
всем, чьё сердце утомилось
от молитв и от проклятий,

в тишине необычайной,
в млечном сумраке над нами
появляется печальный
ангел с тёмными крылами.

Над безумною столицей,
восстающей из тумана,
наклонясь, как над страницей
Откровенья Иоанна, —

не блаженный вестник рая
и не дух, что послан адом,
не храня и не карая,
смотрит он печальным взглядом,

смотрит с ангельского неба
в нашу ночь, и в этом взгляде
нет ни ярости, ни гнева,
ни любви, ни благодати.

В час, когда укрыться нечем
нам от родины небесной, —

над жилищем человеческим
навися, как над бездной,

как звезда перед паденьем,
наклонясь во мрак тревожный,
с каждым новым появленьем
холодней и безнадежней

в час забвенья, в час бессилья
он глядит на всё земное,
дикие, глухие крылья
простирая надо мною...

1992

* * *

Я — мальчик маленький у зимних окон.
Соседи в валенках в снегу глубоком.

Замок дыханием отогревая,
отец у белого стоит сарая.

И куры белые в снегу упорно
клюют незримые мне сверху зёрна.

А в доме печь полна теплом и светом.
Заслонка звонкая играет с ветром.

Всё было так всегда и будет завтра.
Отец на кухне мне готовит завтрак.

Рукой с прожилкою голубою
хрустит яичною скорлупою —

такой же белой на его ладони,
как снег за окнами на голой кроне,

такой же белою, как эти хлопья
на светлом мраморе его надгробья.

Как часто в сны мои придя из рая,
ты вновь у нашего стоишь сарая.

Не открывается на двери белой
замок заржавленный, заледенелый.

Напрасны бедные твои старанья:
тепло утратило твоё дыханье.

Напрасно к ангелу, который рядом,
ты обращаешься с молящим взглядом.

Крылом сияет он белоснежным,
с лицом беспомощным, безнадежным.

Пока в обратный путь бездонным снегом
за белым ангелом идёшь ты следом —

я в дикой темени тебя теряю,
подвластный времени и чуждый раю.

Земную жизнь пройдя до половины,
я плачу горестно, непоправимо

в ночном беспамятстве, во сне глубоком,
как мальчик маленький у наших окон.

1992

Элегия

А. Р.

Что-то неможется, что-то не спится.
Ходит кругами секундная спица —
существованья скудеет клубок.
Во поле ветер ночной негодует,
с полуживою рябиной враждует.
Сон твой, как снег новогодний, глубок.

В ночи такие, охваченный страхом,
стать не хочу я ни духом, ни прахом.
Смерти не будет, и я не умру.
Прекраснодушны, несчастны и лживы,
может быть, мы только начерно живы
в этих снегах и на этом ветру.

Может, и впрямь наши бедные жизни
бережно примут в грядущей отчизне,
смоют обиды и снимут грехи.
Смех будет радостен, свет будет ярок,
И воссияем мы там без помарок,
перебелённые, словно стихи.

Или и там, за безвестным пределом,
невосполнимым зияя пробелом,
будет бессрочно кружиться во мгле,
будет скитаться невнятный набросок,
как неприкаянный тот *недоносок*,
небу ненужный и чуждый земле?..

Тихий твой вздох от меня в полуметре.
Что тебе снится при вьюге и ветре?
Спи — просыпаться ещё не пора.
Ходит кругами секундная спица.
Холодно. Ночь, как бессмертие, длится.
И невозможно дожить до утра.

* * *

Настанет ночь. Остынет сердце.
А ты, душа, не умирая,
влетишь в распахнутую дверцу
тебе приснившегося рая.

Настанет ночь. Остынет солнце.
А ты сквозь мрак невыносимый
впорхнёшь в небесное оконце,
увидишь свет неугасимый.

И, лёгкие смежая веки,
прильну я к ангелу покоя.
И боль моя уже навеки
утихнет под его рукою.

1994

* * *

На закате непреодолимого дня,
отдаваясь последней надежде,
уходил я во тьму, за которой меня
ожидали ушедшие прежде.

И едва лишь успели вдали небеса
милосердным сияньем налиться —
я родные уже различал голоса,
узнавал незабвенные лица.

Что вы живы — я знал, но представить не мог,
как вы молоды здесь и прекрасны.
Значит, всё совершилось в назначенный срок
и безумные сны не напрасны.

Значит, все мы к любимым вернуться должны
после вечной разлуки.
И от хлынувших слёз моих были влажны
их бессмертные руки.

1995

* * *

Тело милое! С тобою
мне расстаться суждено.
А в огне иль под землёю
ты исчезнешь — всё равно.

Душу ангельские крылья
унесут в небесный свет.
Ты же будешь тленом, пылью —
здесь тебе спасенья нет.

Нет и там тебе спасенья —
ты не станешь снова мной,
если после воскресенья
облик я приму земной.

Оттого что в ночь прощанья,
вопреки твоей мольбе,
и пустого обещаенья
дать не в силах я тебе,

и простого утешенья
для тебя мне не найти —
ты за все свои лишенья,
бедное, меня прости,

чтоб не так невыносимо
в смертный миг, в бессмертный час
пела арфа серафима,
разлучающая нас.

1995

Колыбельная

Усни, дитя моё! Над миром
парит покой и благодать.
Лишь призрак, созданный Шекспиром,
повелевает нам страдать.

Не плачь, мой мальчик! Успокойся!
Любовью Божий мир объят.
И лишь в воображенье Джойса
возник нечаянный разлад.

Ну что ты?.. Зеленеет травка.
Не плачь же! Солнышко блестит.
А что выдумывает Кафка —
пустое! Бог ему простит!

1995

* * *

*И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме <...>
Считали пульс толпы и верили толпе...
Мандельштам*

Когда считают пульс толпы,
увы, не Моцарт и не Шуберт —
ты знаешь: музыку погубят
ожесточенные рабы.

Но что страшнее во сто крат
в ночах бессонных и постылых —
душа твоя простить не в силах
не ведающих, что творят.

И сам ты с головы до пят
пронзён презрением и страхом.
И, слитый с деревянным прахом,
всю ночь Спаситель твой распят.

1995

В чёрном раю

1.

Мне восемь. Я вижу вас в жизни земной,
бессмысленной и незавидной:
у входа на рынок сапожник кривой
в коляске сидит инвалидной.

В ужасной коляске, знакомый до слёз
сапожник торгует шнурками
и тяжесть её колоссальных колёс
толкает больными руками.

Я вижу, как, залпом глотая вино,
похмельный художник Алфимов
рисует в сарае при местном кино
афиши для завтрашних фильмов.

Как толстая Дора за грязным столом,
приёмщица нашей химчистки,
всё пишет и пишет чернильным пером
какие-то скучные списки.

До худшего дня, до могильной поры
в убогой и тусклой отчизне
вы крест свой несли, а иные миры
вам даже не снились при жизни.

За то, что грядущую участь свою
вы видели в образах тленья, —
посмертную родиной в чёрном раю
дарован вам сон искупленья.

Покуда кружит в негасимых лучах
над вами мучитель крылатый —

я, маленький мальчик, в бессонных ночах,
беспомощный, невиноватый,

вас вижу и плачу, и нет моих сил
к нему обратиться с мольбою,
чтоб дал вам забыться, чтоб вас не будил
своею безумной трубою.

2.

Я вижу, как в древнем своём пиджаке
и в мятой соломенной шляпе,
со старой пластинкой в дрожащей руке
приходит он вечером к папе.

И спор их о роли Голанских высот
так жарок и так нескончаем,
что лишь иногда он до рта донесёт
стакан с остывающим чаем.

Я вижу, как, музыкой преображён,
забыв разговор бестолковый,
по комнате медленно кружится он
под лёгкий мотив местечковый.

Он медленно кружится тысячу лет,
попавший в нетленное время.
И лампочки нашей немеркнущий свет
струится на лысое темя.

Когда же там звук нарастает иной,
подобный далёкому вою,
когда его там накрывает волной
протяжною и духовою,

и тёмный над ним разверзается свод,
как будто бездонная рана,
и гневное пламя с поющих высот,
с небесного хлещет Голана, —

я здесь заклинаю незримую власть,
недетским охваченный страхом,
чтоб в то измеренье ему не попасть,
где станет он пеплом и прахом.

И, может быть, он меня видит сквозь тьму,
молящего о милосердье,
о том, чтобы дали остаться ему
в его музыкальном бессмертье.

3.

Там, в детстве, она застревает в дверях:
с походкой нескладной и шаткой,
с рыдающим смехом, с рукой в волдырях
под мокрой зелёной перчаткой.

Там скоро мне пять, ей — четырнадцать, но
мы как однолетки играем.
И пёс наш дворовый, истлевший давно,
за нею кидается с лаем.

Там гости за скудным столом говорят
и пьют невесёлую водку.
Я вижу, как тёплой струёй лимонад
течёт по её подбородку,

и как её кутают в страшный платок
и шепчут о ней: извините...

Но если не все ещё в смертный клубок
незримые смотаны нити

и если иная нам жизнь суждена
в земном нашем облике — разве
пречистому взору предстанет она
в блаженном своем безобразье?

Я верю, дитя, — среди этих высот,
за то, что была ты безгрешной,
твоя красота расцветёт и спасёт
нас всех для отчизны нездешней.

Но яростный ветер не доносит сюда —
какую б ни выплатил дань я —
ни скрежет возмездья, ни трубы суда,
ни тяжкий глагол оправданья.

Здесь только, терзая мой немощный слух,
за окнами поезд грохочет.
И бьётся во тьме неприкаянный Дух,
и плачет, и дышит, где хочет.

1995–1996

Бабочка

В неутомительном усердье
в одно счастливое мгновенье
я выхватил тебя у смерти
и заключил в стихотворенье.

Ты в нем живёшь, не умирая.
Тебе не будет и не надо
ни ослепительного рая,
ни искупительного ада.

Твой краткий день я сделал вечным,
бесплотной тьме не отдавая.
И под сачком бесчеловечным
ты будешь биться, как живая.

1996

* * *

Я сегодня в слезах проснулся.
Был глухой предрассветный час.
Мне приснилось, что ты вернулся
и поставил чайник на газ.

Не видением из бывшего
ты явился в родной предел —
просто кончилась смерть, и снова
ты за нашим столом сидел.

Всё с тобою, как прежде, было:
взял ты бритву и помазок,
и, как прежде, капало мыло
на пижаму твою со щек.

Не бросай нас! Останься с нами!
Вот очки твои, вот кровать.
Каково будет мне и маме
во второй раз тебя терять?

Если даже здесь неизвестность
скрыла завтрашний день, то как
отпустить тебя в эту местность,
в неразгаданный этот мрак?

Для чего тебе эти кущи,
если с мамою нас там нет?
И зачем тебе этот бьющий
бесконечный слепящий свет,

мельтешенье теней бесплотных,
не тоскующих ни о чём,
безучастный крылатый отрок
с беспощадным своим мечом?..

1996

* * *

В полночный час среди мертвой тишины
созвездия, горящие во мраке,
душе всё так же чужды и страшны,
как при Иакове и Исааке.

И роза, расцветающая вновь,
и радуга на влажном небосклоне
всё так же лгут про счастье и любовь,
как при Веспасиане и Нероне.

И, полное обиды и тоски,
беспомощное, маленькое сердце,
изнемогая, рвётся на куски
всё так же, как при Дарии и Ксерксе.

1996

* * *

Когда душою правит бред —
ей никаких не нужно истин.
Её томит и мрак, и свет,
ей даже воздух ненавистен.

Она не хочет ничего,
полна такого отвращенья,
что, Господи! — и Твоего
уже не надо ей прощенья.

1996

Городские ямбы

1.

Душа в телесной клетке бьётся,
обида горькие выносит,
во тьме обыденной хлопочет.
Но к вечности уже не рвётся,
и вечности уже не просит,
и вечности уже не хочет.

В пространстве, где тепла не стало,
дыханье расцветает пышно,
морозный ветер сердце студит.
Но музыка уже устала,
и музыки уже не слышно,
и музыки уже не будет.

В глубинах городского ада
кричит рассерженная галка,
автомобиль ревьёт протяжно.
И ничего уже не надо,
и ничего уже не жалко,
и ничего уже не страшно.

1996

2.

Автомобили, улицы и лица —
в чаду, в бреду, в кошмарной круговерти —
всё это будет длиться, длиться, длиться,
всё это не окончится до смерти.

Не вырваться... Всегда одно и то же:
деревья, люди и автомобили.
И мне порою кажется, о Боже,
они мне будут сниться и в могиле.

И я всё те же каменные зданья
увиджу вместо райского сиянья.
И я всё тот же дикий рёв мотора
услышу вместо ангельского хора.

1997

3.

Душа моя, ударили морозы,
цветы увяли, опустели гнёзда.
И ветер пламя рвёт из папиросы,
уносит ввысь и зажигает звёзды.

И падает холодный отблеск синий
на нашу жизнь, на всё, что мы любили.
И медленно ложится чёрный иней
на парапеты и автомобили.

И, зная, что не вырваться из плена,
я чувствую остывшей кровью всею,
о чём поёт железная сирена
блаженному от горя Одиссею.

1997

* * *

В который раз прошу: не умирай,
не опускай измученные веки,
и даже если это будет рай,
блаженные безжизненные реки,
куда сквозь тьму стигийские челны
уснувших нас доставят без ошибки,
затем что мы сойти обречены
с лица земли, как сходят с лиц улыбки...

Но вновь и вновь дыханием из уст
пощады просит слабое земное,
и умоляет каждый Божий куст
в слезах осенних: сжался надо мною,
спаси меня!.. Но как тебя спасти?
Ничто в ответ тебе не отзовется.
И сердце затихающее бьётся,
как мотылёк в бесчувственной горсти.

1998

Содержание

Воздаяние (1998–2008)

«В бездушной вечности, увы...»	5
В больнице	6
«Только спать, забывши обо всём...»	7
Памяти мамы	
1. «В детство моё, покинув сырую яму...»	8
2. «Ещё никто не должен умирать...»	9
«Всё навсегда похоронено...»	10
«Ласточки твои пропали...»	11
«И лёд на полыхающем виске...»	12
Памяти Евгения Блажеевского	13
«Храни, моя радость, до худших времён...»	14
«Всё то же безумье в больничной палате...»	15
«И печка железная в классе продлённого дня...»	16
«Над увядшим вертоградом...»	17
«В ненадёжных и временных гнёздах...»	18
«Полутёмная больница...»	19
«В больничной ночи вспоминай своё детство и плачь...»	21
«Светаёт. Сна не в силах досмотреть...»	22
«Ангел кроткий, ангел нежный...»	23
«Так холодно, так ветер стонет...»	24
«Иоанн отвечает: мы ждём...»	25
«Каждый шаг даётся с болью...»	26
«Я хотел бы прижаться к маме...»	27
«Веет холодом, как из могилы...»	28
«Беспечный мальчик, жизнь одна лишь...»	29
«Телефон звонит в пустой квартире...»	30
«Глядишь с икон, со снежных смотришь туч...»	31
«Квартира гостями полна...»	32
«В гостях никогда не сиделось на месте...»	33
«В своём углу ты всем бывала рада...»	34
«Подойди ко мне, присядь...»	35
«Мне сладко ощутить тех дней очарованье...»	36

«На львовском базаре помешанный старый скрипач...»	37
«Повсюду смерть, и смерть, и смерть, и смерть...»	38
«И о тебе не плачу потому...»	39
Псалом	40
«Ты плачешь, глаз не открывая...»	41
«Здесь пьют ночами алкоголики...»	42
Триптих	43
«По душевной комнате влача...»	45
«Наступает мутный вечер...»	46
«...И ангелов я вопрошаю Твоих...»	47
«Снег, укрывший всё навеки...»	48

Избранные стихотворения (1983—1998)

Бессонница	51
Болезнь отца	54
Соната для бессилия	56
«Я не хочу сравнений — эта блажь...»	58
Зеркало	60
«Сквозняк скребётся в дверь, щекочет мой замок...»	62
«Боже, как холодно в мире Твоём...»	63
Воспоминание	64
«Так эта ночь нежна, так ливень милосерден...»	65
Заклинание	66
Ариадна	67
«Эта ночь древна, словно время ёно...»	68
«В эту полночь, в эту вьюгу...»	69
«Я неожиданно пойму...»	70
«Душа моя, со мной ли ты ещё...»	72
К тени	74
«Жизнь против стрелки часовой...»	75
«Всю ночь, всю ночь ты снилась мне с другим...»	76
Ангел	77
Больница	79
«Снег засоряет мрак, угнетает зренье...»	80
«Любимая, мне страшно за тебя...»	81

«Откуда ты? Зачем ко мне приник...»	83
«Может быть, оттого не должны...»	84
«Господи, что же случилось со мной...»	85
В это лето	86
Два голоса	87
«Кружится чёрная музыка...»	88
Памяти Арсения Тарковского	89
Памяти отца	
1. «Совсем не ты — а кто-то неживой...»	90
2. «На кладбище еврейском в светлый рай...»	91
«Вот и всё. Не мучь себя виною...»	92
Сон	93
Прощание	94
Тёмный ангел	95
«Я — мальчик маленький у зимних окон...»	97
Элегия	99
«Настанет ночь. Остынет сердце...»	100
«На закате непреодолимого дня...»	101
«Тело милое! С тобою...»	102
Колыбельная	103
«Когда считают пульс толпы...»	104
В чёрном раю	
1. «Мне восемь. Я вижу вас в жизни земной...»	105
2. «Я вижу, как в древнем своём пиджаке...»	106
3. «Там, в детстве, она застревает в дверях...»	107
Бабочка	109
«Я сегодня в слезах проснулся...»	110
«В полночный час средь мёртвой тишины...»	111
«Когда душою правит бред...»	112
Городские ямбы	
1. «Душа в телесной клетке бьётся...»	113
2. «Автомобили, улицы и лица...»	113
3. «Душа моя, ударили морозы...»	114
«В который раз прошу: не умирай...»	115

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Александр Сорока «Тутырь»

Валерий Халяпин «Три-вы-я»

Александр Максимов «Новый год-II»

Александр Переверзин «Документальное кино»

Михаил Свищёв «Последний экземпляр»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

Светлана Бунина «Удел цветка»

а также:

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

редактор:

А. Переверзин

художественный редактор:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

е-mail: voymega@yandex.ru

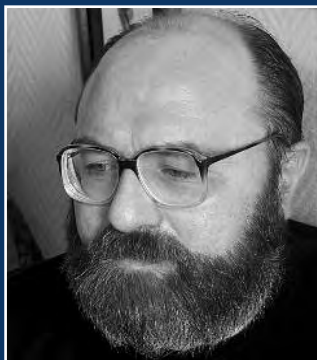
alkonost@yandex.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60x90 ¹/₁₆

Тираж 500 экз.



Игорь Меламед родился в 1961 г. во Львове.
Окончил Литературный институт имени Горького.
Автор книг «Бессонница» (1994) и «В черном раю»
(Стихотворения, переводы, статьи о русской поэзии,
1998) и многочисленных публикаций в периодике.